

Роздобудько *Ирэн*

***Две минуты правды.
Мелкий бисер***

**Харьков
«ФОЛИО»
2014**

...Он стоял под гастрономом, где обычно пил кофе, и наблюдал за тем, как кусочек суши под ногами потихоньку уменьшается. Над ним нависал балкон второго этажа, но сегодня он не мог укрыть его от потоков воды. Внезапный августовский ливень превратил утро в ночь. Улица, только что оживленная, словно вымерла. Лишь он, как всегда, упрямо стоял под этим балконом, попивая кофе из пластикового стаканчика, и курил, хотя влажный воздух и капли дождя пытались погасить сигарету. Он любил дождь, любил это ощущение одиночества под дождем, когда становишься не таким, как все. Ведь в то время, когда другие разбегаются, как мыши, прикрываются зонтами, полиэтиленовыми пакетами и с ужасом спешат в ближайшее же укрытие, ты спокойно идешь по улице, мокрый и счастливый. И разговариваешь с водой. И каждая капля рассказывает свою собственную историю, потому что у каждой капли в самом деле есть своя история и душа, которую она получила от того, кем или чем была прежде...

Кофе с сегодняшнего дня подорожал на тридцать копеек. В принципе, это — мелочь, ведь стоил он тут дешевле, чем в любом другом месте. А еще именно здесь кофе был не хуже,

чем в перворазрядном ресторане. А может быть, он был вкусным потому, что продавец знала его уже много лет, потому и делала именно такой кофе, на совесть, именно для него.

Переминаясь с ноги на ногу, он представил, что стоит на последнем клочке суши, а всё вокруг затоплено водой. Всё. Его дом, работа, дома друзей, сами друзья, железные дороги, аэропорты, телебашни... Всё. Всё исчезло. Он остался один-одинешенек, и это его вполне устраивает. Он уже давно хотел послать все к чертовой матери, но если за него это сделает природа — чего еще требовать? Замечательно.

На него с удивлением поглядывали пассажиры маршруток, которые проезжали, а точнее — проплывали мимо гастронома. Наверное, жалеют меня, подумал он. Разве объяснишь, что тебе хорошо именно теперь, когда улицы пустые и почти темно из-за потоков ливня...

Вчера он отметил свой день рождения. Самый отвратительный день в году.

Перед этим — недели две — его традиционно ломало, как наркомана. В прямом смысле выкручивало суставы, тошнило, покачивало. Чертовски неприятное состояние. И он, защищаясь, чтобы заглушить ломку, еще на прошлой неделе начал пить с кем попало. Вчера все наконец-то закончилось. Во рту сухо, руки дрожат. Ненависть к себе и всему окружающему захлестывает.

А еще вчера женщина, с которой он проснулся и с которой, собственно, просыпался в течение последних пяти лет, сказала, что больше его не хочет. У них с самого начала был такой уговор: говорить правду. Теперь он жалел, что

сам предложил эту игру. Лучше бы она соврала. Сказала бы, что просто устала, должна отдохнуть от него, подумать, или что-нибудь в этом духе. Мало ли более деликатных способов тихо разойтись? А так вот... Это было безжалостно. Может, и он больше не хотел ее или просто устал — по крайней мере, за последние пару месяцев. Но он бы никогда не решился признаться в этом вслух. А она смогла.

Сегодняшний ливень был очень кстати. Кусочек сухого асфальта под его ногами безудержно и символично уменьшался.

В кармане заиграл «Квин». Влажной рукой он вынул мобилку, удивляясь и раздражаясь от того, что кто-то таки уцелел, спасся. Это была Ева.

— Кажется, ты доигрался, — сказала она (в этот момент у него от тоски свело челюсти). — Тебя увольняют. Ты слышишь меня?

Он слышал и отвел трубку от уха. Представил себе ее красные губы, которые всегда оставляли на стакане размытые отпечатки. Слышать любой женский голос было невыносимо.

— Ты где? Чего молчишь?

— А что ты хочешь услышать?

— Вчера ты почти сорвал съемку и после этого тебе нечего сказать?!

— «Почти» — не считается. Незаменимых людей нет.

На том конце вздохнули.

— Но я тебя отстояла. По крайней мере, до конца месяца ты должен исправиться. Твой последний шанс.

— Слушай, а на фига тебе все это нужно? — удивился он.
— Ты был лучшим среди нас, — сказала она. — Ты гибнешь, Дан.

— Ты в этом уверена? — усмехнулся он.

— Поговорим об этом завтра.

— А что будет завтра?

— Я заказала тебя для своей командировки. Мне сказали, что это — самоубийство, но разрешение дали. Поедем вместе. Поговорим по дороге. Чтобы я не заснула за рулем. Завтра в восемь я за тобой заеду. Готовься.

«Готовься» значило, что нужно побриться, сменить одежду, купить несколько пар носков и носовые платки. Пару бутылок, кофе. И что-нибудь Еве...

Раньше он любил ездить в командировки, смотреть на дорогу, хвататься за камеру, увидев кузнечика на листочке или необычный цветок в поле.

Сейчас он хотел только одного: чтобы что-то произошло — без его участия! — чтобы все сгнуло, покрылось мраком и никогда не возвращалось. Разве что в виде первой инфузории в первом озере, которое появится в первых зарослях после не-первого вселенского потопы.

— Хорошо, — сказал он. И подумав, решил добавить: — Спасибо тебе.

...Она нажала кнопку и сунула телефон в карман. Безнадежным взглядом скользнула по бумагам, разбросанным по столу, посмотрела в окно. За ним было темно, по стеклу ползли длинные змеи воды. Они спаривались, образовывали сплошные потоки и снова разбивались на сотни мелких

ручейков, сползли на подоконник, — все это напоминало клубок прозрачных змей, которые бесстыже совокуплялись на ее глазах...

К завтрашнему дню дороги развезет. Сельская местность вообще станет непроезжей. Хотя, подумала она, чем хуже — тем лучше. Лишь бы не сидеть здесь, в кабинете.

Она снова вспомнила о Богдане — наконец-то дозвонилась! Вчера так и не смогла, хотя и хотела поздравить его с днем рождения. Как всегда, он выключил телефон. А она волновалась. Ведь в прошлом году ей пришлось ехать за ним в отделение милиции, размахивать перед ментами своим удостоверением, божиться, что ночной пьяница-скандалист — лучший оператор на популярном канале, который имеет странную привычку в свой день рождения, уже который год подряд, попадать в отделение

Такое разгильдяйство вызывало у нее одновременно возмущение и некоторую зависть, потому что она никогда не могла чувствовать себя настолько свободной, не могла вот так плюнуть на все и, скажем, не пойти на работу. Хотя прекрасно понимала, что это именно она «почти» незаменима. По крайней мере, ни у кого из коллег нет такого количества профессиональных почетных наград, никто не получает писем (пять-семь огромных ящиков в день), не способен без посторонней помощи писать нормальные тексты к своим сюжетам да еще и безукоризненно редактировать чужие. Секрет ее старательности состоял в том, что Ева до сих пор боялась потерять то, что давно и надежно имела. Речь шла не о должности. О деньгах.

Ева никому бы не призналась, что выросла в беспросветной бедности. И когда училась в старших классах и им уже официально разрешалось не носить школьную форму, однажды даже хотела повеситься, потому что надеть было нечего. Форма у нее была разноцветная, со светло-коричневой оборкой внизу и такими же вставками по бокам. Девочки говорили, что это «стильно», но цену этой стильности знала только Ева: форма несколько раз перешивалась из старой, еще детской.

Когда Ева получила свою первую пачку денег — а это действительно была пачка! — банковская, заклеенная бумажной лентой, — и поняла, что это ее зарплата, да еще и не вся, потому что «вся» ждала ее в отдельном конверте в долларовом эквиваленте, она решила, что будет «землю грызть» ради этой пачки и этого конверта.

Дан был другим. Таким, какой из-за своей должности и социального статуса не могла теперь быть она, но какой была от рождения: «отчаянной девчонкой», старательной внешне и безалаберной внутри, со своими фантазиями, с беззаботно-легким отношением к жизни, с равнодушным пренебрежением к моде, чувством юмора, склонностью к приключениям. Но все это осталось в прошлом, в воспоминаниях.

Теперь она просто функционировала с целью регулярно получать эту пачку и конверт. Чтобы раз в два-три года менять мебель в квартире, содержать машину, одеваться... А отчаянная девчонка в пестрой школьной форме, которая осталась на снимках в старом фотоальбоме, наблюдала за